

НА БОЕВОМ ПОСТУ

(О. А. ВАРЕНЦОВА)

Как-то мне довелось прочитать опубликованные журналом «Иностранная литература» записки польской писательницы, активной участницы революционного движения Хелены Бобинской. 1918 год она провела в Москве, работая в издававшейся на польском языке газете «Трибуна» и в коллегии Комиссариата по государственному призрению. Ее записки — подлинный документ героического времени. Это дневник, в который она, пользуясь каждой свободной минутой, записывала все, что видела, переживала, слышала от своих товарищей — поляков, борцов за дело Октябрьской революции в Петрограде и в Москве. В числе других записей Хелены Бобинской и запись, сделанная 31 марта 1918 года. Здесь я неожиданно для себя нашел особенно интересный мне, шуянину по рождению и ивановцу по молодым годам жизни, рассказ мужа Хелены Станислава Бобинского, участника Октябрьских боев в Москве. Вот как она его записала.

«— Видишь вот тот двухэтажный дом на углу Первой Мещанской? — говорил Бобинский, обращаясь к жене, которую он привел на Сухаревскую площадь. — Там помещался наш Военно-революционный комитет Городского района. Сухаревский рынок походил на военный лагерь. На углу Первой Мещанской высилась баррикада, вокруг были вырыты окопы. Дом напротив занимали юнкера и обстреливали нас оттуда из пулеметов. Надо было во что бы то ни стало выкурить их. Тогда мы решили втащить пулемет на плоскую крышу башни и оттуда вести огонь по юнкерам. К счастью, какой-то солдат (как выяснилось, артиллерист), видя, что мы делаем, воскликнул:

— Что вы?! Воробьевы горы обстреливать хотите? Поставьте его ниже!

— Сейчас это забавно, — смеется Бобинский, — по должен при-

знаться, что именно здесь, на Сухаревке, была минута, когда я горько пожалел о том, что не служил в армии. Тогда нам очень не хватало военных специалистов. Правда, наша Ольга Афанасьевна стоит не одного спеца по военным делам».

Кто же та женщина, чей военный талант и знания так высоко оценивали непосредственные участники событий?.. Станислав Бобинский говорил о пожилой, физически слабой женщине, имя которой тесно связано с историей революционного движения в родном мне текстильном крае, — Ольге Афанасьевне Варенцовой. В Октябрьские дни 1917 года она была членом штаба Красной гвардии Городского района Москвы и душой событий на важнейших участках боев в Москве. Тогда ей уже исполнилось 55 лет.

Эта глубоко штатская женщина действительно стояла «не одного спеца по военным делам». Она принимала активное участие в разработке оперативного плана восстания, инструктировала командиров отрядов, посылала в разведку, выслушивала донесения и тут же принимала по ним решения. Не было ни одного отданного ею приказа, выполнение которого она бы не проверила. Авторитет Ольги Афанасьевны в революционной армии был очень велик.

* * *

Ольга Афанасьевна Варенцова была от природы наделена выдающимися организаторскими способностями, сильным характером и благородным сердцем. Все эти качества развились и окрепли в атмосфере борьбы за светлое будущее, которую она вела долгие годы в рядах большевистской партии.

Ольга Варенцова выросла в религиозной семье крестьян-ткачей, разбогатевших и давших обет посвятить свою старшую дочь богу, постричь ее в монахини. В доме отца в Иваново-Вознесенске и в доме дяди в селе Куликове Шуйского уезда все было чуждо девушке. Она видела, как живет деревня, как бедятся в тисках нужды ткачи. Еще в раннем детстве Ольга слышала рассказы дальнего родственника, жившего в доме дяди, — деда Дементия, который знал много страшных историй из жизни крепостных. Вспоминая о нем, Варенцова писала в своей автобиографии: «Это был первый мой воспитатель и учитель, приучивший меня делить общество на угнетенных и угнетателей... Я впоследствии много думала о том, какой превосходный пропагандист мог бы из него выйти». Дед Дементий тихим голосом вел свой неторопливый рассказ, а слушавшая его девочка-подросток потом долго не могла заснуть и думала, думала...

В Иваново-Вознесенске Ольга прочитала произведения Некрасова, Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Они ей на многое открыли глаза. Для себя она решила — жизнь только в борьбе.

Восьмой класс Ольга Варенцова заканчивала во Владимирской женской гимназии. Здесь у нее появились первые друзья. Она во-

шла в нелегальный ученический кружок народнического направления. Интересен портрет восьмиклассницы Варенцовой, нарисованный ее старым другом, одним из деятелей большевистского подполья, когда-то вместе с ней начинавшим свой путь во владимирском ученическом кружке, С. П. Шестерниним. В своих воспоминаниях он писал: «Варенцова любила спорить... Бледная, худая, серьезная в своем сером гимназическом платье, она была старше нас и очень пачатанна».

Во Владимире Ольга Варенцова сдружилась со своей одноклассницей, дочерью писателя Златовратского — Верой. Кружковцы доставали нелегальную литературу, и Ольга с Верой зачитывались народовольческими прокламациями, боготворили недавно погибших героев — Софью Перовскую, Желябова. Мечтали о том, чтобы пойти по их пути. Вера Златовратская как-то задумчиво сказала:

— Кто знает, может быть, нас ждет тоже виселица.

Она услышала взволнованный голос Ольги:

— Я готова взойти на эшафот. Без жертв нет борьбы... Ни тюрьмы, ни даже виселица не остановят меня в борьбе за освобождение народа.

...Шел 1884 год. Возвращение Ольги из Владимира в Иваново-Вознесенск было безрадостным. С трудом удалось избавиться и от монастырского пострига, и от замужества, которое вместо монастыря пыталось навязать ей родители. Против их воли она уехала в Москву.

Высшие жепские курсы. Студенческие кружки. Членом одного из таких кружков стала и Ольга Варенцова. Партия «Народная воля» к тому времени понесла большие потери, члены ее исполнительного комитета кто повешен, а кто сидит в Шлиссельбурге. В народническом движении все более и более брали верх сторонники теории «малых дел». Ольга принимала деятельное участие в работе кружка и в то же время чувствовала — это не ее удел. Она уже сомневалась в правильности тех путей, которыми шли народовольцы. Впоследствии Ольга Варенцова назовет 1884 год не только годом своего приезда в Москву, но и годом выбора революционного пути.

О марксистской литературе Ольга еще не имела понятия. Но ей довелось прочесть резкую рецензию П. Лаврова на брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». Даже в изложении Лаврова Плеханов чем-то задел девушку за живое. Она поняла: он защищает новое, и это новое идет вразрез с тем, что до сих пор утверждали народники разных толков. 27 апреля 1887 года Ольгу Варенцову арестовали вместе с другими участниками кружка, к которому она принадлежала. Московские студенты и курсистки попали в полосу ожесточенных репрессий, начавшихся в России после неудавшегося покушения на царя Александра III.

На этот раз связи Ольги Варенцовой с народовольческой организацией жандармам доказать не удалось. Несмотря на жестокие доп-

росы, ни одной фамилии Ольга не назвала. В этом первом своем заточении худенькая, слабенькая девушка проявила кремневый характер. Казалось, отделалась она сравнительно легко. Ее выслали по месту жительства родителей — в Иваново-Вознесенск и отдали под гласный надзор полиции. Но это только казалось. Дело о народо-довольском кружке продолжали расследовать, и конечный результат этого расследования для Ольги Варенцовой — шесть месяцев одиночного заключения в шуйской тюрьме.

В конце июля 1888 года она вышла на свободу. Но за Варенцовой установили негласный надзор. В 1889—1890 годы — время, когда она все более и более отходила от народничества и становилась марксисткой. Этому способствовали нараставшее в текстильном крае рабочее движение и марксистская литература. Особенно сильное впечатление на нее произвела книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия».

Активная натура Ольги Варенцовой требовала действий. Она ищет себе сторонников и находит их в лице сосланных студентов и передовых рабочих. По ее инициативе в Иваново-Вознесенске возникает рабочий кружок. Официальным его руководителем стал бывший студент Кондратьев, фактически же работа кружка направлялась Варенцовой. Сама она вела женский кружок, считая, что в этом случае меньше будет на примете.

В 1894 году в Иваново-Вознесенск приехал товарищ гимназических лет Варенцовой — Шестернин. Он был назначен в этот город судьей. Они встретились. Оказалось, что Варенцова и Шестернин единомышленники. От него она узнала о петербургских марксистах, услышала имя Владимира Ильича Ульянова. Через Шестернина в руки иваново-вознесенских марксистов попала и его брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Это была первая ленинская работа, которую прочитала Варенцова.

В мае 1895 года разросшийся иваново-вознесенский марксистский кружок преобразовали в Иваново-Вознесенский рабочий союз. В состав руководящего ядра союза вошли О. Варенцова, Ф. Кондратьев, Н. Кудряшов, М. Багаев, А. Евдокимов и другие. Нужно было выработать программу. Кондратьев и Евдокимов составили документ, который назывался «Практическое обоснование рабочего движения, выработанное согласно с условиями данного момента».

Тайное собрание членов союза проходило в лесу. Ф. Кондратьев зачитал требования рабочего союза к правительству:

1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек, без контроля правительственных чиновников.

2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3. Неприкосновенность (без суда) личности рабочего и всякого члена государства.

4. Установление законом восьмичасового рабочего дня.

5. Полнейшая свобода печати.

6. Контроль над фабричными работами».

Еще в начале своей речи Ф. Кондратьев так сформулировал конечную цель деятельности союза: «Отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества, выработать способ пользования этим сокровищем». По вот он дошел до того пункта устава, в котором объяснялось, каким же путем рабочие придут к преобразованию жизни, как они станут хозяевами своего труда и обладателями всех богатств, добытых руками человеческими. И собрание сразу заволновалось.

Кондратьев дочитал до конца фразу, которая вызвала резкий отпор со стороны О. Варенцовой, М. Багаева и некоторых других товарищей: «Когда рабочие добьются исполнения своих требований, то дело объединения пойдет еще быстрее, и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братского труда будет возможно без *пролития* крови».

Ольга Афанасьевна заговорила горячо, гневно: «Как можно заставить царское правительство без жестокой политической борьбы с ним признать свободу слова и печати, свободу рабочих союзов, как это можно сделать без насильственного свержения самодержавного строя в России?»

Схватка, происшедшая на этом собрании, стала началом острой борьбы, которая развернулась в руководстве Иваново-Вознесенского рабочего союза между будущими сторонниками «экономизма» и революционным его крылом, возглавляемым Ольгой Афанасьевной Варенцовой. Ближайшее будущее показало, что правы были те, кто отстаивал необходимость неустанной политической борьбы с царизмом, без которой рабочий класс не мог победить.

В иваново-вознесенской стачке 1895 года принимало участие 2000 рабочих. Рабочие — члены союза выступали перед бастующими с зажигательными речами. Варенцова и Шестернин по конспиративным соображениям не обнаруживали своей близости к событиям, но они тщательно подбирали материалы о стачке. Шестернин переправил их в Петербург, а Владимир Ильич Ульянов обработал и опубликовал за границей.

Иваново-Вознесенский рабочий союз подвергался разгрому дважды — в 1896 и 1897 годах. Начались аресты. И если в 1896 году Варенцовой удалось остаться на свободе, то в 1897 году она была арестована. Более полугода шло следствие. Варенцова была сослана в глухой городок Уфимской губернии Бирск, тихий, изолированный от промышленных центров, но связь Ольги Афанасьевны с революционным движением не прерывалась. После окончания ссылки она приехала в Уфу, хотя ей и запрещено было жить в двадцати двух губерниях, в том числе и в Уфимской.

В Уфе в это время отбывала последний год своей ссылки На-

дежда Константиновна Крупская. Проездом из Сибири остановился в Уфе в феврале 1900 года и В. И. Ленин. О. А. Варенцова решила: встретиться надо обязательно. Но как обойти запрет проживания в Уфе? И вот начались ее скитания с квартиры на квартиру. Она стала еще более осторожной, почти не показывалась на улицах.

Совещание социал-демократов, живших в Уфе, состоялось на квартире старого народовольца Аптекмана. Пришла и Ольга Афанасьевна.

«Искры» еще не существовало. Владимир Ильич только излагал перед уфимцами план будущей газеты, которую собирался издавать за границей, развивал перед ними перспективы, яркими мазками рисовал ближайшее будущее, рассказывая о том, какую роль объединителя социал-демократического движения она должна будет сыграть. Варенцова слушала речь Ленина и думала: как ясно он отвечает на волновавшие ее вопросы об объединении разрозненных, разбросанных по всей России кружков, о путях, которыми пойдет развитие русского социал-демократического движения. «Речь В. И. Ленина,— писала Варенцова впоследствии,— произвела на меня глубокое впечатление и определила мое политическое направление. Я присоединилась к организации «Искры».

Ольга Афанасьевна поселилась в Боброве Воронежской губернии. Здесь жил и Шестернин. Она рассказала ему о встрече с Владимиром Ильичем, о знакомстве с Надеждой Константиновной, познакомилась с планом издания «Искры». Вместе с Шестерниным Варенцова готовила объединение социал-демократических организаций ряда северных рабочих городов. Эту идею поддержал Ленин. Но в течение всего 1900 года Ольга Афанасьевна не могла выехать за пределы Воронежской губернии.

«В январе 1901 года,— пишет она в своих воспоминаниях,— кончился срок моих ограничений, я решила поехать на север осуществить план создания Северного рабочего союза, а предварительно захватить в Уфу для получения первого номера «Искры» и адресов для переписки с редакцией «Искры». К великому моему сожалению, номер «Искры» не был получен... Но меня утешали, что газета не сегодня, так завтра должна быть получена. Я решила ждать». И дождалась. Получила газету. Отправилась в обратный путь. Теперь уже на север, в родной Иваново-Вознесенск. Оттуда в Ярославль, где и обособился центр Северного рабочего союза. Владимир Ильич Ленин конспиративно в переписке называл эту организацию Семеном Семеновичем, внимательно следил за ее деятельностью. Он требовал, чтобы товарищи на местах связали «нас (т. е. заграничный партийный центр.— А. В.) *крепче* с Семеном Семеновичем и Семёна Семеновича с нами».

О. А. Варенцова стала душой Северного рабочего союза. Можно было только удивляться ее неутомимости, организованности, оперативности. Вот она выступает перед членами одной из организаций

союза, рассказывает им о значении «Искры», вот занимается организацией типографии, пишет прокламации, которые завтра же будут распространены среди рабочих.

И какой бодростью, уверенностью в грядущей победе веяло от тех прокламаций, что выпускал Северный рабочий союз! Обычной копцовкой их было: «Долой самодержавие! Да здравствует социальная революция!»

Работа Северного рабочего союза развернулась так широко, что не могла не встревожить жандармов. За искоренение «крамолы» взялись жандармы не только в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, но и в Москве. Они подослали провокатора Меньщикова. Он появился сначала в Воронеже, затем в Ярославле. Варенцова вспоминала о том, что он сразу не понравился товарищам из руководящего ядра союза, за ним «решили наблюдать», но «не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой».

За несколько дней апреля 1902 года были проведены аресты в Воронеже, Иваново-Вознесенске, Владимире, Костроме и Ярославле... В числе арестованных в Ярославле была и Ольга Афанасьевна Варенцова. Это о ней полицейские агенты доносили по начальству: «...заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Иваново-Вознесенске, жила в Уфе... Переселившись в Ярославль и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась агентом «Северного союза», участвуя на съездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих... Занималась сама и гектографированием и разбрасыванием преступных воззваний... Варенцова корреспондирует в «Искру»...»

Как особо важную преступницу, Ольгу Афанасьевну препроводили в Москву, в Бутырскую тюрьму. Сидела Варенцова в Бутырках в очень тяжелых условиях, но ничто не могло сломить мужественную искровку. Впоследствии о ней вспоминала Людмила Сталь, познакомившаяся с Ольгой Афанасьевной в тюрьме. «В нижнем этаже полицейской башни, в которую нас посадили, в самой скверной и темной камере сидела Ольга Афанасьевна Варенцова... Мы сразу полюбили Ольгу Афанасьевну и окружили своей заботой, несмотря на все ее неоднократные протесты и заявления, что ей «ничего не нужно»... Первым делом мы добились того, что она была переведена в верхний этаж, где камеры были теплее и суше...

Когда мы сидели вместе в Бутырках, Ольга Афанасьевна любила рассказывать о своем Иваново-Вознесенске, об ивановских рабочих. Ее не оставляла забота о том, что в Иваново-Вознесенске мало интеллигентных партийных работников. Она взяла и с меня слово, что, как только я буду свободна, поеду туда работать».

И в Бутырках Варенцова вела себя, как всегда и везде. Удивительная деликатность по отношению к товарищам, полное отреше-

ние от собственных интересов, поглощенность заботой о делах организации.

Во время II съезда партии Ольга Афанасьевна находилась в тюрьме и ждала приговора по своему делу. Но как счастлива она была, когда узнала, что делегаты Северного рабочего союза на съезде пошли за Лениным, стали на позиции большинства. Ведь в их искровой твердости была немалая доля и ее труда.

* * *

В разгар революции 1905 года Ольга Афанасьевна приехала в Москву и сразу очутилась в гуще событий.

Большевики вели тогда огромную агитационную и пропагандистскую работу в войсках. Особенных успехов эта работа достигла в Петербурге. Здесь, при Петербургском комитете большевиков, была образована Военная организация. Туда и направили Ольгу Афанасьевну Варенцову.

Ярославский, Варенцова, Землячка! Как много сделали они для пропаганды идей большевизма в воинских частях! Создавались кружки, вырабатывались требования, которые затем предъявлялись солдатами. В росте политического сознания солдатской массы В. И. Ленин видел доказательство того, «что армия рабская превращается в армию революционную».

Вспоминная обстановку, в которой она начала работу в армии в 1905 году, Ольга Афанасьевна писала: «Волнения в армии и флоте вспыхивают стихийно в 1905 году. Оставаясь разрозненными, не согласованными с общепролетарскими выступлениями, протекая без твердого руководства, они терпели поражение...»

После поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве Ольга Афанасьевна снова в родном Иваново-Вознесенске. Летом 1906 года она секретарь партийного комитета Городского района. Влияние большевиков охватывало все более широкие слои рабочих не только Иваново-Вознесенска, но и Шуи, Кохмы, Тейкова и других рабочих городков и поселков. Ряды партии росли. Варенцова возглавила партийную работу всего иваново-вознесенского участка текстильного края. Теперь ее знали под конспиративным именем Екатерина Николаевна. На этой работе она встретилась с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Ольга Афанасьевна Варенцова руководила партийной конференцией, выбравшей делегатов на V (Лондонский) съезд партии.

Весной 1907 года в Иваново-Вознесенске и окрестностях готовилось массовое выступление рабочих, так называемая областная стачка. В стачечный комитет вошли опытные партийные работники: О. А. Варенцова (Екатерина Николаевна), М. Михеев (Константин) и Ц. С. Зеликсон-Бобровская (Ольга Петровна). Ольга Афанасьевна принимала участие в выработке требований, которые от имени рабочих должны были предъявляться предпринимателям.

На этот раз Варенцова продержалась на воле до января 1908 года, когда вновь была арестована и отправлена — уже во второй раз — в вологодскую ссылку. И здесь она налаживает связи с товарищами в разных городах, переписывается с заграничным центром, неустанно борется с меньшевиками, пропагандирует большевизм среди молодежи. Она была неугомонной, эта маленькая женщина, обладавшая сильным характером.

Уже после победы революции и установления Советской власти Ольга Афанасьевна немало сделала для своих земляков на посту секретаря губкома партии.

Варенцова к этому времени была уже ветераном. Ей близилось шестьдесят. А могло показаться, что она совсем молода, это чувствовалось по ее темпераменту, по отношению к жизни. Чего только не добивалась старая большевичка: и отгрузки хлеба из Туркестана в голодающий Иваново-Вознесенск, и мобилизации всех сил для фронта! А какое большое значение она придавала политической работе, особенно среди женщин! 25 сентября 1919 года Варенцова выступила на губернской партийной конференции с горячей речью. Под руководством Ольги Афанасьевны прошла и первая иваново-вознесенская женская конференция. В ее работе участвовали 450 делегатов.

Варенцова провожала на фронты гражданской войны отряд за отрядом. Напутствовала она и женщин. С каждой беседовала тепло и задушевно, выражала готовность помочь остающимся родным. «Знаю, трудно станет матери без тебя... — говорила она одной из уезжавших. — Но ты скажи ей, что в случае пусть приходит... прямо ко мне, найдем возможность помочь».

...Долгую жизнь прожила Ольга Афанасьевна Варенцова. До последних своих дней была она активным и деятельным членом партии, трудилась в Истпарте при ЦК ВКП(б), в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. А капитальный ее труд «Северный рабочий союз», посвященный той организации, которую она создавала и пестовала, — значительный вклад в историко-революционную литературу.